

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-748-764>

EDN: JWXRRF

Научная статья / Research Article

Проблемы контроля за соблюдением договорных преимущественных прав

А.В. Ульянов✉

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
(ИНИОН РАН), г. Москва, Российская Федерация

✉aleksejulanov10741@gmail.com

Аннотация. Изучаются предпосылки оснований осуществления официальной предварительной правовой экспертизы договора на предмет соблюдения преимущественного права, которое одна из сторон предоставила третьему лицу по соглашению. Гипотетически эта правовая экспертиза может быть проведена в процессе государственной регистрации прав или нотариального удостоверения сделок. Теоретико-правовым обоснованием для этого являются научные положения о всеобщей пассивной обязанности не препятствовать планам других лиц. К подобного рода планам может быть отнесен договор, по условиям которого одной из сторон дано преимущественное право в отношении определенного имущества. Это договорное право гарантирует возможность блокировать последствия соглашений контрагента с иными лицами (интервентами). Если данные лица знали или должны были знать о преимущественном праве, их соглашения, наносящее ущерб этому праву, считаются ничтожными и поэтому не подлежат нотариальному удостоверению и не могут быть объектом государственной регистрации.

Ключевые слова: правовая теория планирования, нотариальное удостоверение сделок, государственная регистрация недвижимости, вмешательство в чужие договорные отношения, злоупотребление правом, предварительный договор, опцион, право приобретения чужой недвижимой вещи, недействительная сделка

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 29 декабря 2022 г.

Принята к печати: 15 июля 2023 г.

Для цитирования:

Ульянов А.В. Проблемы контроля за соблюдением договорных преимущественных прав // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 3. С. 748–764. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-748-764>

© Ульянов А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The control over compliance with contractual preemptive rights

Aleksej V. Ulyanov✉

Institute of Scientific Information for social sciences RAS (INION RAN),
Moscow, Russian Federation
✉aleksejulanov10741@gmail.com

Abstract. The article focuses on the conditions and grounds for conducting the formal preliminary legal due diligence of a contract as to respect of the preemptive right, which had been granted by one of the parties to a stranger under an agreement. This legal due diligence may be hypothetically examined during state registration of rights or notarization of transactions. According to theory of law, reasons to do thus are scientific concepts of the general duty not to interfere with others' plans. Such plans may include an agreement under the terms of which one of the parties gets a preemptive right in relation to certain property. This contractual right ensures the entitled party that he/she may preclude the legal implications of agreements between the other party and the strangers (interveners). If these persons knew or should have known of the preemptive right and entered into an agreement, which is inconsistent with that right, such agreement shall be considered as invalid and therefore cannot be notarized and cannot be subject to state registration

Key words: planning theory of law, notarization of transactions, state registration of real estate, interference with others' contractual relations, abuse of right, preliminary agreement, option, right to acquire other's real estate, invalid transaction

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 29th December 2022

Accepted: 15th July 2023

For citation:

Ulyanov, A.V. (2023) The control over compliance with contractual preemptive rights. *RUDN Journal of Law*. 27 (3), 748–764. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-748-764>

Введение

В правовой системе России постепенно складывается судебная практика, по которой должно быть признано недействительным соглашение третьего лица с одной из сторон договорного обязательства, заключенное в ущерб указанному обязательству. Доктринальное основание применения этой правоохранительной меры в науке гражданского права России остается неопределенным. Разработка нормативных и фактических предпосылок аннулирования подобных соглашений дала бы возможность сделать эти предпосылки (правовые нормы и юридические факты) предметом предварительного (ex ante) контроля за законностью сделок. В процессе нотариального удостоверения сделки нотариус мог бы проверять, не нарушены ли в связи с ее заключением договорные обязанности ее сторон перед другими лицами. Аналогичные действия способен совершать и государственный регистратор прав в ходе процедур государственной регистрации недвижимости.

Но такая проверка сопряжена со значительными трудностями организационного, информационного и (прежде всего) юридического характера.

Дело в том, что всякое договорное правоотношение между контрагентами – это частный правопорядок, который имеет автономию. Потерпевший кредитор, реализации интересов которого препятствует договор неисправного должника с лицом, вторгающимся в обязательство, сам будет третьим лицом для указанного договора. Одним из базовых постулатов цивилистики считается относительность договоров (сделок) и обязательств (правоотношений). Так, по смыслу ст. 155 ГК РФ, для лиц, которые не являются стороной сделки, последняя может создавать обязанности лишь в случаях, установленных законом либо соглашением с этими лицами. Согласно положению абз. 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон. Следовательно, обязательство не создает никаких договорных обязанностей для потенциального интервента, который способен вторгнуться в чужой договор.

Относительность все же не исключает защиту прав требования от третьих лиц. В науке гражданского права признается обоснованной абсолютная защита этих обязательственных (относительных) прав (Asknaziy, 2008:699–700; Fleyshts, 2015:363; Ioffe, 2009:621–623). Кредитор в обязательстве имеет охраняемый законом интерес в том, чтобы никакое третье (постороннее) лицо не препятствовало осуществлению его прав в отношении должника. Предпосылкой защиты данного интереса является квалификация вреда, который был причинен в связи с его нарушением, в качестве юридически значимого. Так, по ст. VI.-2:211 Модельных правил европейского частного права, третье лицо способно нанести юридически значимый вред в результате «побуждения другого к неисполнению обязательства» (*another's inducement of the non-performance of an obligation*)¹. Но в данном случае речь идет о возмещении интервентом вреда по деликтному иску.

В настоящее время уже формируются юридические воззрения по вопросу о надлежащих способах защиты кредитора от сделок должника с третьим лицом – интервентом. На первый взгляд, общее дозволение на безусловное применение таких мер несовместимо с началами автономии воли и интересами оборота. При этом обсуждается подразумеваемое общее правило (Kagarctov, 2016b:410), в соответствии с которым должны быть недействительными соглашения между интервентом и должником (обязанной стороной), заключенные ими заведомо в ущерб правам кредитора. В связи с предполагаемым действием данного правила условие действительности сделки, касающееся законности ее содержания, должно охватывать соблюдение запрета на вторжение в чужие договорные отношения.

Наличие законодательного запрета, препятствующего совершению сделок между интервентом и должником, влечет за собой необходимость нотариальной проверки соблюдения этого запрета в процессе удостоверения соответствующей сделки. Так, по смыслу п. 1 ст. 163 ГК РФ и ст. 54 Основ законодательства РФ о нотариате² нотариальное удостоверение сделки означает проверку законности этой сделки. Соответственно, если в силу закона или по воле сторон соглашения оно должно быть заключено в нотариальной форме, у нотариуса возникнет ряд проблем, связанных с установлением вторжения в чужие договорные отношения.

¹ Модельные правила европейского частного права / науч. ред.: Рассказова Н.Ю. М.: Статут, 2013. С. 554, 555.

² Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февр. 1993 г. № 4462-1 // Российская газета 1993. 13 марта; Ведомости Съезда нар. депутатов Российской Федерации. 1993. 11 марта. № 10. Ст. 357.

Кроме того, публичный контроль законности сделок обеспечивается путем государственной регистрации прав на имущество (ст. 8.1 ГК РФ). Установление факта запрещенного вторжения в чужие договорные отношения при заключении сделки должно стать предметом правовой экспертизы, которая осуществляется государственным регистратором прав в силу п. 3 ч. 1 ст. 29 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»³ (Закона о регистрации недвижимости).

Исходя из того, что в отношении противодействия вторжению российское право не предусматривает общих, прямо сформулированных законоположений, единых научных подходов и единообразия судебной практики, для устранения указанных проблем нужно сначала решить ряд теоретических вопросов.

Нормативное основание абсолютной защиты относительных прав

В гражданском законодательстве России отсутствуют положения, которые прямо устанавливали бы общий нормативный запрет на вмешательство в чужие договорные отношения путем заключения соглашений с одним из контрагентов или иного побуждения стороны обязательства к неисполнению ее обязанностей. ГК РФ содержит только специальные предписания, позволяющие аннулировать сделки, заключенные в нарушение договора. Именно эти нормы зафиксированы: а) в абз. 3 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ – об оспоримости сделки, заключенной стороной корпоративного договора в нарушение этого договора; б) в абз. 3 п. 4 ст. 388 ГК РФ – об оспоримости соглашения об уступке права на получение неденежного исполнения, если указанное право возникает из договора, предусматривающего запрет на такую уступку.

Представляется, что из этих норм нельзя вывести никакое общее правило об императивном запрете нарушать чужой договор. Скорее, специальные нормы могут быть восприняты как исключения, которые подтверждают существование противоположного по содержанию правила, более соответствующего автономии воли. Не случайно В. В. Витрянский, изучая влияние предварительного договора на правовое положение третьих лиц, указал, что сделки, которые совершила одна из его сторон с третьим лицом вопреки обязанности заключить основной договор с контрагентом, не могут быть признаны недействительными, т. к. потерпевший имеет лишь право на иск к неисправной стороне обязательства (Braginskiy & Vitryanskiy, 2005:239). Эволюционные изменения цивилистической догматики в сторону противодействия интервенту, оправданные с точки зрения правовой политики (Karapetov, 2016b:371–375, 409–413), могут быть научно обоснованы путем обращения к теоретико-правовым исследованиям общих закономерностей развития права.

Обязательство между сторонами сделки могло бы создавать ограничения третьим (посторонним) лицам только при условии, что такие субъекты состоят в некоторых правоотношениях с указанными сторонами. В теории права отмечено существование общерегулятивных правовых связей – правоотношений «общего типа» (Aleksseev, 2009:346–348; Matuzov, 1972:185–186), способных объединить контрагентов с посторонними для обязательства субъектами. Общерегулятивные правоотношения оказываются пригодными для выполнения этой регулятивной функции благодаря наличию у них необходимых правовых свойств, а именно: возникновению

³ Российская газета 2015. 17 июля. № 156; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. 20 июля. № 29. Ч. 1. Ст. 4344.

непосредственно из закона, помимо воли участников; фиксации при их помощи общего правового статуса субъектов права; постоянному, длящемуся и бессрочному характеру; установлению связей носителя права (либо негативной обязанности) с неопределенным кругом лиц во внутренней структуре правоотношений; их правоустанавливающему значению, позволяющему им быть предпосылкой иных правоотношений. Правовой статус третьих (посторонних) лиц в контексте чужого договорного обязательства может быть отнесен к объектам общерегулятивных правоотношений.

Благодаря таким характерным чертам общерегулятивное правоотношение может выступать в качестве юридического средства планирования правопорядка в обществе. Согласно правовой теории планирования (Shapiro, 2021:214–292), правовое регулирование (правотворчество и реализация права) представляет собой планирование, а право имеет сущность плана, организующего членов общества и предусматривающего программу их действий. Этот план связывает субъектов права, имеющих общий (общественный) интерес в его реализации. В ходе реализации правоплана, имеющего сложную иерархическую структуру, детализируется посредством субпланов. По гражданскому праву таким субпланом является договор с его индивидуальными условиями для сторон. Как отмечено в российской юридической науке, договор оказывает организующее воздействие на деятельность участников, обеспечивает сбалансированность производства и потребления благ и становится основанием для планирования хозяйственной деятельности (Puginskiy, 2008:104–106).

В целях эффективного принятия, признания и реализации плана (субплана) необходимо разграничить между субъектами права их функции путем фиксации мер (возможного или должного) поведения. В той части плана, что охватывается гражданским правом, участники правоотношений обладают автономией воли и признаны юридически равными. Правотворческое решение наделить участника правоотношений автономией воли, означающей свободу усмотрения в вопросах совершения юридических действий, основано на доверии к данному участнику.

Для современного механизма гражданско-правового регулирования будут неприемлемыми как модель директивного и всеобъемлющего государственного планирования, которая была отвергнута из-за ее несостоятельности, так и модель невмешательства государства в сферу якобы исключительно частных интересов, коль скоро она мешает выполнению гражданским правом социальных функций. Гражданско-правовой принцип автономии воли направлен на реализацию более гибкой модели, в рамках которой законодатель (регулятор) приспосабливается к социальной реальности и направляет разумно ожидаемые юридические действия субъектов к необходимому, планируемому им результату (Науек, 2020:59–69, 275–298). Доверие к участнику правоотношений уместно лишь в целях достижения такого результата.

Это доверие, как философское основание начала автономии воли, должно иссякнуть за той гранью, с которой реализация права-плана будет невозможной из-за произвола участника правоотношения. Степень подобного доверия влияет на определение надлежащего способа выражения воли на принятие и признание планов (субпланов), которые далее будут связывать участника правоотношения. Связанность планом (субпланом) означает, как минимум, обязанность не мешать его реализации, уважая чужое право. В обосновании этой пассивной обязанности проявляется одно из основных назначений права: право создает условия для того, чтобы субъекты права не препятствовали друг другу в осуществлении их воли (Savigny, 2011:456). Фактическим основанием для возникновения всеобщей пассивной обязанности

является юридический факт-состояние – существование субъективного права (Sinitsyn, 2017:61, 63). Субъект права нарушает такую обязанность, когда препятствует осуществлению признанных им прав других лиц.

Применительно к нормам гражданского права проблемы с признанием не возникают, коль скоро считается, что эти нормы известны каждому субъекту. Но возможность признания «по умолчанию» обусловлена опубликованием законов и иных правовых актов, содержащих нормы гражданского права, для всеобщего обозрения. Согласно положению ч. 3 ст. 15 Конституции РФ неопубликованные законы, а также неопубликованные нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не подлежат применению.

Значительно сложнее обстоят дела с признанием чужих договоров (сделок и возникших правоотношений). Для того, чтобы субъект права смог исполнить всеобщую пассивную обязанность уважения чужих прав и охраняемых законом интересов, он должен быть осведомлен о самом их существовании. В противном случае такой субъект будет мотивирован только на воздержание от совершения юридических действий под угрозой их аннулирования из-за коллизии с другими, неизвестными ему правоотношениями. Сдерживание под действием этого риска несовместимо с началами правовой инициативы – одного из основных признаков метода гражданско-правового регулирования (Yakovlev, 2012:94–96).

В то же время субъект права, осведомленный о конфликте своих интересов с чужими договорами, должен будет выбрать между совершением юридических действий в ущерб таким договорам, с одной стороны, и поиском альтернативных средств для бесконфликтного осуществления своих интересов, с другой стороны. Критерий рациональности поведения должен исключать или, по крайней мере, существенно ограничивать для субъекта права первый вариант. Рациональность действия или бездействия означает, что субъект соотносит свое поведение с объективно существующими нормами и ценностями (Weber, 2013:386–388), с учетом которых у него формируется представление о надлежащих действиях других субъектов права (Weber, 2013:475). На основе обобщения подобных нормативных ожиданий надлежащего поведения формируется право (Luhmann, 1972:105). Будучи одной из норм права, принцип автономии воли позволяет субъекту права не планировать собственный или чужой произвол, порождающий только «войну всех против всех», а рационально рассчитывать на невмешательство и взаимное уважение прав. В результате в автономию воли закладываются подразумеваемые внутренние границы (Rückert, 2011:252) – пределы осуществления, причем субъект права должен следовать этим ограничениям.

Соответственно, необходимо ограничение автономии воли субъекта права, который осведомлен о существовании договорного обязательства между иными субъектами, во избежание последствий его вмешательства в такое обязательство. Но положения теории права, оправдывающие эту юридическую необходимость, – социальный консенсус по вопросу запрета мешать планам других (Rawls, 2010:21); всеобщая пассивная обязанность уважать чужие права; закрепление данной обязанности в общерегулятивном правоотношении – сами нуждаются в дальнейшем развитии при помощи гражданско-правовой методологии. «Выход в практику» теоретико-правовым знаниям дают именно отраслевые юридические науки (Vasilyev, 2017:339), к которым и относится цивилистика. Так, в гражданско-правовой науке формируются знания о понятии, составе и последствиях сделок (соглашений),

посягающих на права и охраняемые законом интересы стороны в обязательстве, а также о юридической норме (нормах), которая фиксирует указанные характеристики.

В отсутствие конкретных правил нормативная основа для аннулирования соглашений с интервентом может иметь только форму принципов гражданского права (основных начал гражданского законодательства). Подходящее для этого юридическое содержание имеют, по мнению правоведов, такие основные начала, как недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела или добросовестность субъектов гражданских правоотношений (Sinitsyn, 2017:535, 536). Но смысл первого из принципов состоит, прежде всего, в том, чтобы ограничить органы публичной власти в их стремлении к регулированию обязательств частных лиц посредством индивидуальных правовых актов. Соглашение с участием интервента формально не регулирует обязательство между его контрагентом и потерпевшим, поскольку условия этого соглашения не предусматривают прекращение или какое бы то ни было изменение такого обязательства. К тому же, в связи с получением согласия от контрагента потерпевшей стороны, действия интервента невозможно назвать произвольными. Итак, принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела как таковой не способен стать нормативной основой аннулирования сделок с интервентом. Однако он может быть предпосылкой для применения в этих целях требований добросовестности.

Распространение «каучуковой» нормы о добросовестности на вторжение в чужие договорные отношения соответствует общей тенденции, заключающейся в широком применении данной нормы для решения спорных вопросов практики. Этому благоприятствует действие конкретных положений, развивающих начала добросовестности. Как следует из нормы п. 4 ст. 1 ГК РФ, никому не дозволено извлекать выгоду из своего недобросовестного поведения. В положениях ст. 10 ГК РФ требование добросовестности закреплено в виде предела осуществления гражданских прав. В частности, запрещено злоупотребление правом (абз. 1 п. 1), а на случай нарушения этого запрета предусматриваются юридические санкции (пункты 2–4). К санкциям подобного рода относится как раз недействительность сделки. Верховный Суд РФ в п. 7 Постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25⁴ разъясняет, что несоответствие совершенной сделки требованиям ст. 10 ГК РФ влечет ее признание недействительной в судебном порядке по ст. 168 ГК РФ.

Необходимо отметить, что нормативное требование о добросовестности и юридические последствия несоблюдения этого требования распространяются на осуществление не только вещных, обязательственных и иных гражданских прав, но и свободы воли вообще. В соответствии с п. 3 ст. 1 ГК РФ, при установлении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Ограничивая все эти варианты поведения, требование добросовестности проявляет себя в виде общего предела осуществления гражданской правоспособности, признанного в цивилистической науке (Agarkov, 2002:364). Интервент, заключающий соглашение, направленное на приобретение гражданского права заведомо в ущерб интересам потерпевшего, тем самым недобросовестно реализует свободу договора и нарушает

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета 2015. 30 июня. № 140; Бюл. Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

требования ст. 10 ГК РФ. В судебной практике допускается признание данного соглашения ничтожным на основании норм ст. 10 и п. 2 ст. 168 ГК РФ (в целях защиты права участника долевого строительства на приобретение им жилья)⁵. Применение п. 2 объясняется охраной интересов третьего лица, каковым является потерпевший по отношению к сделке его неисправного контрагента с интервентом.

Итак, соглашение интервента с контрагентом обязательства, заключенное заведомо в ущерб правам другого контрагента, является ничтожным вследствие нарушения ст. 10 ГК РФ. Но эффективная реализация запрета злоупотребления правом именно в таком аспекте предполагает квалификацию прав потерпевшего (без этого невозможно установить юридически значимый вред, причиненный из-за побуждений к неисполнению обязательства) и доказывание осведомленности интервента о существовании указанных прав (что необходимо для опровержения извинительного незнания об этих правах).

Гражданские права, охраняемые законом против интервента

Вторжение в чужие договорные отношения может совершаться разными способами и не сводится только к заключению сделок. Но правам потерпевшей стороны обязательства соглашение с участием интервента причиняет вред в том случае, если эти права вступают в конфликт с условиями указанного соглашения о правах интервента. Речь идет о ситуации, при которой эти условия обязывают контрагента потерпевшего лица предоставить в пользу интервента исполнение, исключающее осуществление кредиторских прав потерпевшего лица. Подобные условия содержатся в возмездных договорах о передаче имущества или уступке прав – договорах купли-продажи, мены, аренды, уступки исключительного права и др., – т. к. при их помощи контрагент потерпевшего может получить выгоду от интервента. Выгода от нарушения договора с потерпевшим, как правило, состоит в более высокой цене за спорный предмет договора или в более благоприятном порядке оплаты (немедленная оплата вместо отсрочки или рассрочки). Наличие здесь юридически значимого конфликта вызвано тем, что потерпевшая сторона обязательства имеет правомочия, возникшие в рамках обязательства или в связи с ним и гарантирующие этой стороне преимущество перед третьими лицами (в том числе интервентом) в отношении предмета обязательства.

Таким спорным предметом является имущество – вещи и имущественные права («бестелесные» вещи), в частности акции, доли в уставном капитале, доли в праве собственности и др. Но сами эти предметы (блага), в отношении которых заключаются конкурирующие соглашения, не являются объектами правомочий, преодолевающих конфликты между обязательствами из указанных соглашений.

Законный (организационный) интерес, оформляемый данными правомочиями и противопоставляемый интервенту, состоит в преобразовании правоотношения в пользу потерпевшего лица, а также в предупреждении и устранении препятствий к этим правовым последствиям.

Организационный интерес потерпевшего лица охватывает формирование юридико-фактического основания для становления и развития правоотношений по поводу спорного имущества. Процесс формирования этого основания находит

⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 22 янв. 2018 г. по делу № 33-0235/2018. Доступ из Справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

выражение в юридической процедуре. Под «юридической процедурой» имеется в виду формально определенная последовательность действий, которая имеет материально-правовую природу (Protasov, 2020:15, 19, 27) и организует согласование воли ее участников, приводя их волеизъявления к предсказуемому юридическому эффекту.

Предсказуемый характер преобразования правоотношений дает кредитору (управомоченной стороне) возможность разумно ожидать наступления правовых последствий. Объем охраны этих разумных ожиданий определяется тем, в какой мере обязанная сторона (должник) способна действовать по своему усмотрению. Сообразно ограничениям ее свободы воли и конструируются договорные права ее контрагента – потерпевшего лица. В литературе выделяются несколько видов таких прав, в целом подпадающих под общее понятие преимущественных прав⁶. Любое из таких прав дает его обладателю «преимущество» виде исключительной возможности на разумно ожидаемое установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений.

Установление того или иного вида преимущественного права на основании договора выражается в условиях, согласно которым:

1) обязанная сторона, при наличии воли к заключению договора о передаче индивидуально-определенной вещи на конкретных условиях, должна адресовать свое волеизъявление на сделку путем оферты, приглашения делать оферту или извещения о намерении управомоченной стороне, имеющей преимущественное право заключить договор на указанных условиях в установленный срок. Данное право является аналогом преимущественного права покупки, предусмотренного законом в отношении долей в праве собственности, долей в уставном капитале и акций и законного преимущественного права заключения договора аренды. Но, в отличие от прав, установленных законом, договорное преимущественное право подобного рода не защищено иском потерпевшего лица о переводе на себя прав и обязанностей, что нашло отражение в судебной практике⁷. Правообладатель в связи с этим вынужден будет прибегать к иску по ст. 168 ГК РФ, закрепляющей общие правовые последствия недействительности сделки. Предъявление иска и осуществление преимущественного права будут невозможны в отсутствие воли обязанной стороны на распоряжение ее имуществом;

2) управомоченная сторона имеет право требовать заключения договора о передаче индивидуально-определенной вещи в течение установленного срока от обязанной стороны, для которой заключение указанного договора обязательно. Условия о таком праве входят в содержание предварительного договора (ст. 429 ГК РФ), на основании которого обязанная сторона должна заключить основной договор. При уклонении обязанной стороны от заключения (основного) договора контрагент вправе обратиться в суд с исковыми требованиями о ее понуждении к исполнению этой обязанности. В результате удовлетворения данного иска воля обязанной

⁶ Ульянов А.В. О признании недействительными сделок на основании вторжения в чужие договорные отношения // Комментарий судебной практики. Вып. 25 / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ, 2019. С. 19–34.

⁷ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 25 февр. 2016 г. по делу № 33-1112/2016. Доступ из Справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 6 марта 2014 г. № 33-3129/2014. Доступ из Справ.-правовой системы «Гарант».

стороны преодолевается за счет фикции ее должного волеизъявления – по решению суда (абз. 1 п. 5 ст. 429, абз. 1 п. 4 ст. 445 ГК РФ);

3) управомоченная сторона обладает правом заключить договор о передаче индивидуально-определенной вещи на оговоренных условиях, совершив акцепт безотзывной оферты обязанной стороны в течение установленного срока. Такое преимущественное право предоставляется на основании опциона на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ). В силу этого права обладателю дается возможность изменить правоотношение своим собственным односторонним волеизъявлением – акцептом. Правомочие, которое сконструировано таким образом, относится к числу вторичных прав, и ему корреспондирует связанность обязанной стороны юридическими последствиями одностороннего волеизъявления управомоченной стороны (Reutov, 1972:165, 171). На первый взгляд, вторичное право нельзя нарушить, т. к. никто не способен препятствовать совершению одностороннего волеизъявления (Tretyakov, 2007:263–264). Тем не менее, заключение обязанной стороной юридически действительного договора с интервентом нарушает законный интерес в осуществлении вторичного права и может привести к утрате такого интереса управомоченной стороной. В случае возникновения у интервента прав на спорное имущество вследствие исполнения этого договора, одностороннее волеизъявление управомоченной стороны влекло бы заключение ничтожного договора;

4) управомоченная сторона вправе требовать передачи ей индивидуально-определенной вещи обязанной стороной, к которой в случае неисполнения этой обязанности может быть предъявлено требование об отобрании указанной вещи преимущественно перед третьими лицами. По системе традиции передача вещи признается предпосылкой перехода права на нее, поэтому осуществление права требовать передачи имеет преобразовательный эффект. Согласно ч. 1 ст. 398 ГК РФ спорная вещь передается тому кредитору, в пользу которого обязанность по передаче возникла раньше, а при невозможности установить такое первенство – тому, кто раньше предъявил иск. Право требования о передаче отпадает в случае, когда вещь была передана должником иному, чем управомоченная сторона, лицу (кредитору). Но из современных юридических воззрений следует, что иммунитет против отобрания вещи может быть предоставлен только такому ее владельцу – третьему лицу по отношению к нарушенной обязанности передать ее, – который является добросовестным (см.: ст. 47 Кодекса европейского договорного права (Belov, 2017:70–71), ст. VIII.–2:301 Модельных правил европейского частного права⁸);

5) управомоченная сторона может приобрести в будущем индивидуально-определенную вещь или имущественное право на нее при условии наступления фактических обстоятельств, не зависящих от воли обязанной стороны (истечение срока, отлагательное условие и т. п.), и в связи с этим на последнюю возлагается обязанность охранять интерес управомоченной стороны. Подобное юридическое содержание свойственно ожидаемому праву, которое в германской цивилистике именуется *Anwartschaftsrecht* (Weber, 2009:254–255), а также правам из условных сделок. Обязанность охранять интерес управомоченной стороны, прямо закрепленная в ст. 51 Кодекса европейского договорного права (Belov, 2017:73, 74), явно была бы нарушена обязанной стороной, заключившей с интервентом соглашение, которое препятствует осуществлению права на приобретение имущества.

⁸ Модельные правила европейского частного права / науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. С. 617.

По модели этого пятого вида преимущественного права было разработано право приобретения чужой недвижимой вещи⁹ – новое вещное право, которое в настоящее время не предусмотрено законодательством РФ. В науке отмечается востребованность этого вещного права для охраны интереса участника долевого строительства в приобретении жилого помещения¹⁰. Не случайно именно в связи с правом дольщика на приобретение жилого помещения и формируется судебная практика, гарантирующая этому гражданскому праву защиту против третьих лиц – вплоть до противопоставления новому владельцу объекта недвижимости, вне зависимости от наличия у него статуса застройщика¹¹ (по аналогии с принципом следования). Законодательное закрепление за дольщиком права на приобретение в качестве (ограниченного) вещного права означало бы легализацию указанных общих правоположений и упрочило бы охрану такого преимущественного права. Вещно-правовая квалификация последнего устраняет всякую неопределенность в обосновании его абсолютно-правовой защиты¹².

При всей эффективности конструкции ограниченного вещного права, она не может охватить собой все общественные ситуации, требующие юридической охраны преимущественных прав. Облечение права приобретения чужой вещи в вещно-правовую форму рассматривается в науке как искусственное подведение под понятие вещного права, т. к. правообладателю не предоставлено господство над объектом – вещью (Belov, 2014:225–226). Вследствие принципов закрытого перечня и законного режима вещных прав этот искусственный прием не подлежит распространению на любые иные преимущественные права.

Вместе с тем в судебной практике предприняты попытки распространить механизм аннулирования сделок на случаи нарушения преимущественных прав из опциона. Примером такого применения режима абсолютно-правовой защиты вторичных прав служит дело, рассмотренное Арбитражным судом Республики Татарстан. Истец обратился в суд с требованием о признании недействительным договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО, заключенного между ответчиками, по мотиву нарушения права истца из опциона на покупку доли. По делу было установлено, что истец заключил с ответчиком-продавцом (обязанной стороной) соглашение в нотариальной форме, по условиям которого обязанная сторона предоставляет истцу право покупки доли в уставном капитале ООО (в размере 100 %) путем акцепта безотзывной оферты в течение пятилетнего срока. При этом до истечения оговоренного срока ответчику-продавцу было запрещено отчуждать долю третьему лицу, обременять ее или иначе распоряжаться ею без согласия истца.

В нарушение условий данного соглашения обязанная сторона заключила с ответчиком-покупателем оспариваемый договор купли-продажи доли в размере 100 % уставного капитала ООО. При заключении указанного договора ответчик-продавец заверил ответчика-покупателя о том, что доля не обременена правами третьих лиц.

⁹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ко второму чтению) (извлечение) // Вещное право: научно-познавательный очерк / Е. А. Суханов. М., 2017. Прил. 4. С. 545–547.

¹⁰ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11. С. 60.

¹¹ Апелляционное определение Тюменского областного суда от 25 июля 2018 г. по делу № 33-3824/2018. Доступ из Справ.-правовой системы «Гарант».

¹² Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 4. С. 171.

Договор между ответчиками был заключен в нотариальной форме, но у иного нотариуса, чем тот, который удостоверил соглашение об опционе. Суд не установил факт осведомленности ответчика-покупателя о преимущественном праве истца.

Тем не менее, по решению суда оспариваемый договор купли-продажи был признан ничтожным на основании ст. 168 ГК РФ с применением последствий его недействительности¹³. В качестве закона, предписаниям которого противоречил договор, суд назвал ст. 436 ГК РФ, устанавливающую запрет на отзыв оферты до истечения установленного срока для акцепта. Такое обоснование выводов суда вызывает недоумение, поскольку ст. 436 ГК РФ не предусматривает обязанности для третьих лиц и не лишает оферента права заключать какие-либо соглашения. Перспективы подтверждения этого судебного акта вышестоящими инстанциями были бы весьма сомнительны. Но решение суда первой инстанции обжаловано не было и поэтому вступило в силу в обычном порядке.

Это судебное дело позволило выявить одно существенное обстоятельство. Так, в решении суда приведены объяснения третьего лица – нотариуса, который удостоверил спорный договор купли-продажи доли. Данный нотариус пояснил, что при удостоверении упомянутой сделки заинтересованные лица не сообщили ему о наличии обременений доли в уставном капитале ООО, а ответчик-продавец предоставил все необходимые документы, и что действующее законодательство России не предусматривает фиксацию сведений о существовании соглашения об опционе в общедоступных официальных источниках.

Следовательно, способность нотариуса (должностного лица) к тому, чтобы контролировать при удостоверении сделок соблюдение прав из опционов и иных договорных преимущественных прав, не вызывает принципиальных нареканий. Но сомнения на этот счет обусловлены отсутствием доступа к сведениям о таких правах у неопределенного круга лиц. Общедоступность сведений позволяла бы определить критерии осведомленности интервента о существовании договорных преимущественных прав.

Осведомленность интервента о существовании нарушенных прав потерпевшего лица

Учитывая доктринальные подходы, существующие в гражданском праве, за основу нужно взять один из двух альтернативных критериев осведомленности интервента, а именно: реальное («он знал») или предполагаемое («он должен был знать») или «он не мог не знать») знание о нарушенных правах. Первый из данных критериев, в сочетании с волей интервента на заключение соглашения заведомо в ущерб интересам кредитора обязательства, позволяет безусловно опровергнуть презумпцию добросовестности. При заключении такого соглашения интервент и неисправный должник данного обязательства явно действуют недобросовестно, нарушая п. 1 ст. 10 ГК РФ¹⁴. Требование реальной осведомленности интервента *expressis verbis*

¹³ Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 19 февр. 2019 г. по делу № А65-30622/2018. Доступ из Справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Рос. Федерации от 9 марта 2016 г. № 308-ЭС15-16377 по делу № А53-22107/2012. Доступ из Справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

содержится в ст. 1123 Гражданского кодекса Франции¹⁵, согласно которой сделки, повышающие на преимущественные права потерпевшего лица, признаются оспоримыми.

На практике встречаются примеры, когда законодатель закрепляет второй критерий. В частности, и предполагаемая, и реальная осведомленность стороны в сделке, заключенной со стороной обязательства в ущерб последнему, образуют основание для оспоримости сделки в соответствии с упомянутыми выше абз. 3 п. 6 ст. 67.2 и абз. 3 п. 4 ст. 388 ГК РФ. Однако автоматическое распространение данного критерия на любые случаи охраны договорных преимущественных прав было бы затруднительно. Никакие общие стандарты добросовестного поведения не могут требовать от участника сделки, чтобы он собирал о своем контрагенте сведения из закрытых источников, в т. ч. о его связанности преимущественными правами из договоров с иными лицами. Такая заботливость и осмотрительность представляет собой избыточную добросовестность субъекта гражданского права и вызывает возражения, связанные с охраной коммерческой тайны и иных благ.

Впрочем, фиксация информации о договорных преимущественных правах в общедоступных официальных источниках позволила бы существенно сгладить различия в правовых последствиях применения указанных критериев. Например, необходимость в доказывании реальной осведомленности интервента отпадает в случае подобного «обнародования» преимущественного права (или договора, из которого оно возникло), на что обращал внимание Кассационный суд Франции¹⁶. Наиболее эффективным способом фиксации в общедоступном источнике служит государственная регистрация договорного преимущественного права. Механизм регистрации считается возможной альтернативой установлению ограниченного вещного права приобретения чужой (недвижимой) вещи¹⁷. Доступ регистратора к сведениям о существовании договорных преимущественных прав в отношении спорного объекта, как минимум, подтверждает, что интервенту не было известно о таких правах только из-за его грубой небрежности. Что касается нотариального удостоверения сделок, то выполнение данной процедуры является заключением сделки в нотариальной форме. Выявление нотариусом преимущественных прав, пусть даже ранее и неизвестных, и разъяснение этих прав сторонам соглашения влекут за собой реальную осведомленность интервента.

Для предотвращения юридических конфликтов нужно, чтобы предметом контроля (правовой экспертизы регистратора или нотариальной проверки) были и договоры, предоставляющие преимущественные права, и договоры, которыми создаются препятствия к реализации данных прав. Но такой механизм контроля, сопряженный с возможностью обращения должностных лиц к общедоступному официальному источнику, предусмотрен лишь в некоторых случаях. Например, если на государственную регистрацию прав представлен другой договор участия в долевом строительстве в отношении того же объекта долевого строительства, то государственная регистрация должна быть приостановлена – с последующим отказом в ее осуществлении (п. 38 ч. 1 ст. 26 и ч. 1 ст. 27 Закона о регистрации недвижимости). Вообще же отказ

¹⁵ Légifrance. Le service public de la diffusion du droit. Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000032040825/ (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁶ Cour de Cassation. Chambre mixte. Arrêt du 26 mai 2006 № 03-19.376 // Bulletin. 2006. MIXT. № 4. p. 13.

¹⁷ Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 4. С. 171–173.

в регистрации будет неизбежен при выявлении государственным регистратором прав противоречий между заявленными правами и ранее зарегистрированными правами (п. 3 ч. 1 ст. 26 указанного федерального закона).

Нотариус мог бы проверять сведения о существовании договоров (сделок), порождающих преимущественные права, путем направления запроса в единую информационную систему нотариата, как это предусмотрено в ч. 6 ст. 34.4 Основ законодательства РФ о нотариате. Нотариальная проверка сделок, направленных на отчуждение долей в уставном капитале ООО (нотариальная форма для таких сделок обязательна в силу закона), привела бы к получению нотариусом из этой информационной системы сведений об определенной категории опционов. Речь идет об опционе, по условиям которого акцепт оферты повлечет немедленный переход права на долю в уставном капитале и который в связи с этим относится к сделкам, направленным на отчуждение долей (Кагаретов, 2016а:64–65). Фиксация сведений о сделках, предоставляющих другие преимущественные права, в единой информационной системе нотариата, будет возможной при добровольном согласовании сторонами нотариальной формы для таких сделок.

Таким образом, с точки зрения действующего законодательства РФ, будет законным отказ в удостоверении или регистрации сделки, заключенной в ущерб договорному преимущественному праву, которое было предоставлено третьему лицу одним из контрагентов данной сделки, если другой ее контрагент знал или должен был знать об указанном праве.

Заключение

По итогам проведенного исследования необходимо прийти к следующим выводам.

1. В современном гражданском праве имеются достаточные предпосылки и состав юридических средств для того, чтобы эффективно применить запрет на вторжение в чужие договорные отношения, посягающее на преимущественные права одной из сторон этих отношений. Указанный общий нормативный запрет прямо не предусмотрен в действующем гражданском законодательстве России, но вытекает из его общих начал и смысла, а также требований добросовестности, разумности и справедливости. Этот запрет, действующий в интересах носителя преимущественного права, должен удерживать контрагентов последнего от того, чтобы они заключали с третьими лицами (интервентами) более выгодные сделки – возмездные договоры о передаче имущества или уступке права. Существенный вред от таких нарушений причиняется интересам потерпевшего в сфере оборота недвижимости и особо ценного движимого имущества, например, акций и долей в уставном капитале хозяйственного общества.

2. Соглашение интервента с неисправной стороной в договоре, наносящее ущерб преимущественному праву ее контрагента и, следовательно, нарушающее упомянутый общий запрет, является недействительной сделкой. *De lege lata* это соглашение, по общему правилу, должно считаться ничтожным в соответствии с п. 2 ст. 168 ГК РФ. В специальных случаях, прямо установленных законом, такие соглашения являются оспоримыми сделками и признаются недействительными по иску потерпевшего лица. Непременным условием аннулирования соглашения служит реальная или предполагаемая осведомленность интервента о нарушении договорного преимущественного права.

3. С целью исключить возражения интервента о том, что он якобы не знал о существовании нарушенного права, необходим предварительный контроль за законностью сделок. Такого рода официальный контроль осуществляется в ходе процедур нотариального удостоверения сделок и государственной регистрации прав. De lege ferenda целесообразно распространить механизмы государственной регистрации прав и нотариального удостоверения сделок на договоры, которыми предоставляются преимущественные права, а также на договоры, потенциально способные нарушить чужие преимущественные права. Данное законодательное решение способствовало бы фиксации информации о преимущественных правах в едином государственном реестре недвижимости или единой информационной системе нотариата, что обеспечило бы осведомленность заинтересованных лиц о таких правах и затруднило бы их безнаказанное игнорирование.

References / Список литературы

- Agarkov, M. M. (2002) The problem of abuse of right in Soviet civil law. In: *Selected works on civil law in two volumes*. Vol. 2. Compiled by Belov, V.A. Moscow, Tsentr JurInfoR Publ. pp. 361–385. (in Russian).
Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. / сост. В.А. Белов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. Т. 2. С. 361–385.
- Alekseev, S.S. (2009) *General theory of law*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Проспект, 2009. 576 с.
- Asknazi, S.I. (2008) *Basic issues of the theory of socialist civil law*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М.: Статут, 2008. 859 с.
- Belov, V.A. (2014) *Essays on property law. Scientific and polemical notes*. Moscow, Yurait Publ. (in Russian).
Белов В.А. Очерки вещного права. Научно-популярные заметки. М.: Юрайт, 2014. 332 с.
- Belov, V.A. (2017) *European Contract Code: general and comparative law commentary in two books*. Book 1. Moscow, Yurait Publ. (in Russian).
Белов В.А. Кодекс европейского договорного права – European Contract Code: общий и сравнительно-правовой комментарий: в 2 кн. Книга 1. М.: Изд-во Юрайт, 2017. 308 с.
- Braginskiy, M.I. & Vitryanskiy, V.V. (2005) *Contract law: General provisions*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 2005. 842 с.
- Fleyshits, E. A. (2015) Obligations arising from tort and from unjust enrichment. In: Makovskiy, A.L. (ed.). *Selected works on civil law in two volumes*. Vol. 2. Moscow, Statute Publ. pp. 309–443. (in Russian).
Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. А.Л. Маковский. М.: Статут, 2015. С. 309–443.
- Hayek, F. (2020) *Law, Legislation and Liberty. A new statement of the liberal principles of justice and political economy*. Translated from English by Pinsker, B. & Kustarev, A.; Kuryaev, A. (ed.). Moscow, Chelyabinsk, Socium Publ. (in Russian).
Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева; под ред. А. Куряева. Москва; Челябинск: Социум, 2020. 644 с.

- Ioffe, O.S. (2009) Legal relations under Soviet civil law. In: *Selected works on civil law: excerpts on the history of civil jurisprudence. Civil law relation. Criticism on the «economical law» theory*. Compiled by Makovskiy, A.L. & Shilokhvost, O.Yu. Moscow, Statut Publ. pp. 512–652. (in Russian).
Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / сост. А.Л. Маковский, О.Ю. Шилохвост. М.: Статут, 2009. С. 512–652.
- Karapetov, A.G. (2016a) An option to sign the agreement and option agreement according to the new edition of the Civil Code of the Russian Federation. *Herald of Economic Justice*. 3. 49–72.
- Karapetov, A. (2016b) *Economic analysis of law*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
- Luhmann, N. (1972) *Rechtssoziologie*. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt.
- Matuzov, N.I. (1972) *Person. Rights. Democracy. Theoretical aspects of subjective right*. Saratov, Saratov University Publ. (in Russian).
Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1972. 292 с.
- Protasov, V.N. (2020) Theory of legal procedure. Moscow, Yurait Publ. (in Russian).
Протасов В.Н. Теория юридической процедуры. М.: Юрайт, 2020. 105 с.
- Puginskiy, V.I. (2008) *Theory and practice of agreement-based regulation*. Moscow, Zertsalo-M Publ. (in Russian).
Пугинский В.И. Теория и практика договорного регулирования. М.: Зерцало-М, 2008. 224 с.
- Rawls, J. (2010) *A theory of justice*. Translated from English by Tselishchev, V.V. (ed.). Moscow, URSS Publ. (in Russian).
Ролз Дж. Теория справедливости: пер. с англ. / науч. ред. В.В. Целищева. М.: URSS, 2010. 534 с.
- Reutov, V.P. (1972) Revisiting the dispositive powers in Soviet law. *Bulletin of Perm University*. 3(264), 159–172. (in Russian).
Реутов В.П. К вопросу о вторичных правомочиях в советском праве // Ученые записки Пермского ун-та. 1972. Вып. 3. № 264. С. 159–172.
- Rückert, J. (2011) Preface to Russian edition of «System of modern Roman law» of F.C. von Savigny. In: Kutateladze, O. & Zubar', V. (eds.). *System of modern Roman law: in eight volumes*. Vol. 1. Translated from German by Zhigulin, G. Moscow, Statute Publ. pp. 248–254. (in Russian).
Рюккерт И. Предисловие к русскому изданию «Системы современного римского права» Ф.К. фон Савиньи // Система современного римского права: в 8 т. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. С. 248–254.
- Savigny, F.C. von (2011) *System of modern Roman law: in eight volumes*. Vol. 1. Translated from German by Zhigulin, G. Kutateladze, O. & Zubar', V. (eds.). Moscow, Statute Publ. (in Russian).
Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1 / Ф. К. фон Савиньи; пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. 510 с.
- Shapiro, S. (2021) *Legality*. Translated from English by S. Koval'. Edited by A. Pavlov. Moscow, Gaidar Institute Publ. (in Russian).
Шapiro С. Законность / пер. с англ. С. Коваль; под науч. ред. А. Павлова. М.: изд-во Института Гайдара, 2021. 720 с.
- Sinityn, S.A. (2017) *General system of absolute and relative civil rights: Diss. ... of Doc. of Legal Sciences*. Moscow, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. (in Russian).

- Синицын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2017. 604 с.
- Tretyakov, S.V. (2007) Generation of the concept of dispositive powers in German civil law doctrine (On the publication of the Russian translation of the work of E. Seckel "Secondary rights in civil law"). *Civil law review*. (2), 253–270. (in Russian).
- Третьяков С.В. Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (К публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве») // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 253–270.
- Vasilyev, A.M. (2021) *Legal categories. Methodological aspects of developing the system of categories of the theory of law*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Норма, 2021. 264 с.
- Weber, H. (2009) *Security obligations*. Translated from German by Alekseev, Yu.M. & Ivanov, O.M. Moscow, Wolters Kluwer Publ. (in Russian).
- Вебер Х. Обеспечение обязательств / пер. с нем. Ю.М. Алексеев, О.М. Иванов. М.: Волтерс Клувер, 2009. 482 с.
- Weber, M. (2013) *Selection. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Moscow, Saint Petersburg, Centre for Humanities Initiatives Publ. (in Russian).
- Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 656 с.
- Yakovlev, V.F. (2012) Civil law method of the regulation of social relations. In: *Selected works*. Moscow, Statut Publ. 3–185. (in Russian).
- Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М.: Статут, 2012. С. 3–185.

Сведения об авторе:

Ульянов Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела правоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН); Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21
e-mail: aleksejulanov10741@gmail.com

About the author:

Aleksej V. Ulyanov – Candidate of Legal Sciences, researcher of Department of Law of Institute of Scientific Information for social sciences RAS (INION RAN); Nakhimovsky prospect, 51/21, Moscow, 117418, Russian Federation
e-mail: aleksejulanov10741@gmail.com